

ОНЪ.

ТБРИЛИ...

на antasia.

ють лишніа деньги

близкомъ соосѣдствѣ
предположить, что я

орысю, но онъ ошибе-
таеть, что я рассказываю объ
изъ желанія познакомить
овыячѣми, прежде чѣмъ это
Нѣтъ, я далеко отъ
читателя къ моей
уждаеть въ немъ же-
стелько-же, сколько
хъ отъ литературы.
ь такой мысли, а мо-
лагаа, что онъ у ме-

такого нескрознаго желанія!
тѣну и знаю, что я еще весь
это положеніе будетъ про-
дня моей смерти, послѣ кото-
му весь позади, ибо со смертью
рень не печатать ничего болѣе
хъ ни въ журналахъ и совер-
лься отъ участія въ какихъ
земли. Объяснившись съ чи-
предоставляя ему право желать
переселенія моего въ складоч-
ныхъ, добрыхъ, злыхъ, глу-
ныхъ, подлыхъ, жалкихъ и всѣхъ
ихъ, которыхъ, кстати, всегда

принято называть нашими предками, я воз-
вращаюсь къ началу.

Итакъ, когда я имѣю къ тому возмож-
ность, то, побуждаемый приличіями, я от-
правляюсь бриться и всегда къ одному и
тому-же парикмахеру. Я познакомился съ
нимъ еще въ ту пору, когда у меня нача-
ла расти борода—въ данное время насъ съ
нимъ связываетъ тѣсная дружба—вотъ какъ
прочны мои привязанности или вотъ какъ
хороши бритвы моего парикмахера!

Это человѣкъ уже пожилой, онъ говоритъ
съ употребленіемъ слова - ерь-съ и оченъ
любитъ литературу, пѣвчихъ птицъ и умные
разговоры. Болѣе всего ему нравится гово-
рить о литературѣ; съ большою охотой онъ
разсуждаетъ о вліяніи духовъ въ дѣлахъ
любви, о напѣвахъ чужей, о политикѣ,
внѣшней, конечно. Онъ также съ удоволь-
ствіемъ говоритъ о всемъ, что можетъ ха-
рактеризовать мужика, какъ существо глу-
пое, но хитрое, жадное и невѣжественное
и т. д. Всегда, когда онъ брѣеть,—онъ
говоритъ, а человѣкъ, подвергаясь его опе-
раціямъ, слушаетъ его и невольно забываетъ
о томъ, что у него могутъ быть сбриты
вмѣстѣ съ бородой уши, носъ или губы,
чего хотя еще и не случалось, но что испол-
нѣ возможно въ виду увлеченія парикмахе-
ра литературой, чижами, политикой и всѣмъ
прочимъ.

Какъ я уже сказалъ—мы съ нимъ друзья,
—это вполне естественно: онъ зарабаты-
ваетъ свой хлѣбъ бритвой, я перомъ, оба
орудія остры, вотъ вамъ и почва для про-
израстанія взаимныхъ симпатій. Въ боль-
шинствѣ случаевъ онъ имѣютъ гораздо ме-

нѣе основаній для своего бытія, что впро-
чемъ не удивительно, ибо само бытіе—явле-
ніе очень не ясно обоснованное, если толь-
ко оно обосновано...

Однако—къ дѣлу. Послѣдній разъ, когда
я брился, мы съ парикмахеромъ преинтерес-
но поговорили, а такъ какъ въ жизни во-
обще не особенно много интереснаго, то я
считаю себя нравственно обязаннымъ раз-
сказать вамъ это.

Какъ всегда и послѣдній разъ, войдя къ
нему, я спросилъ его съ улыбкой:

— Брѣете?

— Пишете?—отвѣтилъ онъ мнѣ улыб-
кой-же.

Мы издавна привѣтствуемъ другъ друга
въ такой формѣ и не считаемъ ее хуже
всѣхъ другихъ...

Черезъ минуту онъ меня намыливалъ, а
въ слѣдующую минуту у меня въ голо-
вѣ родилась одна мысль очень,—какъ я со-
зналъ это послѣ,—не тактичная.

— А что вы меня... читаете?

— Пробоваль-съ ..

— И?

— Не читаю-съ!

Такъ какъ вы читатель, я полагаю—
только читатель, то вы не поймете моихъ
ощущеній послѣ такого краткаго отвѣта.
Но скажу, что мнѣ хотѣлось возразить на
него такъ:

— Сей часъ-же сотрите съ меня ваше
дурацкое вонючее мыло, я иду бриться къ
другому парикмахеру!

Но я сдержался. И даже пошелъ дальше—
я спросилъ ласково и мягко:

— А почему-же?

Онъ взялъ меня пальцами за носъ, поворотилъ его на юго западъ и прехладнокровно отвѣтилъ:

— Да неинтересно-съ!

Представьте себѣ, что нѣкто въ глаза вамъ сказалъ, будто ваши дѣтя—всѣ ужасные уроды, но что всѣ мальчики изъ нихъ какъ двѣ капли воды похожи на васъ, а всѣ дѣвочки на вашу жену. Представьте еще, что онъ-же назвалъ вашу тещу женщиной божественной, заслуживающей всяческаго почтенія и уваженія, и рекомендовалъ вамъ, когда вы рѣшите показывать себя съ семействомъ въ ярмарочныхъ балаганахъ какъ „игру природы“,—сдать антрепризу именно ей, вашей тещѣ, этой достойной женщинѣ. Если вамъ удастся представить себѣ это—вы, навѣрное, почувствуете нѣчто очень близкое тому, что чувствовалъ я въ моментъ, когда мой носъ смотрѣлъ на юго-западъ.

Но отличаясь, какъ и всѣ мои предки, страшной силой воли, я поборолъ себя. Въдъ рано или поздно, но попадешь же въ адъ, и потому слѣдуетъ относиться сточически къ мученіямъ на землѣ.

— Вы говорите—неинтересно? Это очень интересно... Я хотѣлъ сказать—очень печально и поучительно для меня...

— Какъ вамъ угодно съ!—довольно равнодушно сказа ль онъ и поворотилъ мой носъ на юго-востокъ.

— Будьте любезны, мой старый другъ, объясните мнѣ, почему именно неинтересно?...—набивъ себѣ на сердце стальные обручи терпѣнія, попросилъ я этого... критика, извините за, выраженіе!

— Съ нашимъ удовольствіемъ-съ,—любезно согласился онъ, заставивъ мой носъ подняться въ небеса, что ничуть не соотвѣтствовало моему настроенію.

— Прежде всего-съ, вы пишете изъ жизни, а не изъ головы...

— А по вашему мнѣнію только тѣ пишутъ интересно, чьи головы торчатъ за предѣлами жизни?..

Я иронизировалъ, это нужно мнѣ простить, потому что всякій другой на моемъ мѣстѣ превратилъ-бы уже парикмахерскую въ груды развалинъ, откусилъ-бы голову парикмахеру, перерѣзалъ-бы все его семейство и съѣлъ сырами всѣхъ его пѣвчихъ птицъ. Я ничего этого не сдѣлалъ.

— Нѣтъ-съ, это зачѣмъ же!..—И этотъ извергъ засмѣялся.—Я хочу сказать, что вы пишете о томъ, что уже есть и ничего не выдумываете сами. Хорошіе писатели, изволите видѣть, обыкновенно выдумываютъ. А вы все пишете на счетъ лицъ простого званія и правду-съ. Какъ они живутъ, говорятъ и какия чувства имѣютъ и какия терпятъ отъ обстоятельствъ жизни и по собственной своей глупости несчастія и горя. И все это-съ извѣстно мнѣ и даже болѣе извѣстно, чѣмъ вы можете изобразить вашимъ перомъ. Взялъ я разъ вале сочиненіе въ газетѣ, прочиталъ оно и вижу—совершенно вѣрно, но очень скучно и инсколькo неинтересно. Ну, думаю, ниче! Человѣкъ еще молодой, исправится и пометъ какъ нужно писать. Беру ваше писаніе вѣрно и весьма точное... Поразительно вѣрно и весьма опосля чтенія не возбуждается и никакого

подъема духа нѣтъ-съ! Слѣдуетъ простить молодому человѣку, думаю себѣ. Еще разъ прочиталъ еще и еще... все то-же самое... Все жизнь, жизнь и никакою фантазіи. Ну и порѣшилъ я не читать васъ... потому вижу, что манера ваша мнѣ никакого удовольствія не можетъ доставить. Такъ съ той поры и не читаю-съ!

Я все это выслушалъ и парикмахеръ не только остался живъ, но даже не былъ изувѣченъ мной. Столь удивительнымъ самообладаніемъ я обязанъ знакомству съ философіей Эпиктета и Зенона, которую увѣренно рекомендую какъ братьямъ писателямъ, такъ и всѣмъ другимъ несчастнымъ людямъ. Съ силой такой увѣренности я могъ-бы еще рекомендовать только одинъ „Далматскій порошокъ“—это единственная вещь на землѣ, которая такъ-же необходима человѣку, какъ необходимо ему стоицизмъ.

— Вы, быть можетъ, указали-бы мнѣ нашихъ любимыхъ писателей?—попросилъ я парикмахера.

— Съ удовольствіемъ!—согласился онъ опуская къ землѣ мой носъ.—Господинъ Густавъ Эмаръ, Понсонъ де-Террайль, Шерь Даконвз, Монтепенъ... весьма интересные писатели!.. Изъ русскихъ господинъ Гмыревъ, Саліасъ, Пазухинъ, Кондратьевъ, Вавиловъ, Хрущевъ-Сокольниковъ, Рудниковскій и многіе прочіе, которые поддерживаются примѣра иностранцевъ... Прекрасные писатели!

Мнѣ стало такъ жалко себя, какъ будто я вторично родился на свѣтъ Божій.